

ТЭЗЕ

От тревоги к доверию

Olivier Clément

Taizé
un sens à la vie

Ateliers et Presses de Taizé, 71250 Taizé, France, 2000

Оливье Клеман

ТЭЗЕ

От тревоги к доверию

ББК 86.37
УДК 276
К 48

Перевод: Михаил Завалов, Ольга Ерохина

Данный перевод книги Оливье Клемана
Taizé, un sens à la vie
публикуется с согласия издательства
Ateliers et Presses de Taizé

Клеман Оливье

Тэзе. От тревоги к доверию / Пер. с фр. – 2-е изд. – М.:
Издательство ББИ, 2015. – 112 с.

ISBN 978-5-89647-325-1

В мире, наполненном пустыми обещаниями, Тэзе – земля, где предугадывается *иное*. Это место, где тебя принимают таким, каков ты есть, не оценивая, не судя, где не спрашивают догматический паспорт – не скрывая тем не менее, что здесь собираются вокруг Христа и что есть только одна дорога – «Я есмь путь», которая начинается здесь для того, кто этого хочет. Здесь открываешь смысл жизни и возвращаешься к себе с непреодолимым ощущением пробуждения, доверия и единства, считает известный французский богослов.

Макет предоставлен издательством
Ateliers et Presses de Taizé

Обложка: Надежда Павлючик

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме, включая размещение в сети интернет, без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Ateliers et Presses de Taizé, 71250 Taizé, France, 2000
© Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2015
ул. Иерусалимская, д. 3, Москва, 109316
standrews@standrews.ru, www.standrews.ru

Содержание

<i>Предисловие ко второму русскому изданию</i>	9
<i>Предисловие</i>	14
<i>Письмо брата Роже</i>	26

1

В ПОИСКАХ СМЫСЛА

Направление	31
Дар слышания	36
Живое христианство	38

2

ПРИТЧА ТЭЗЕ

Сопричастность	45
Отшельники, открытые миру	47
Вечность питает историю	49
От начала к началу	50

Общая жизнь и примирение	53
Главное – сопричастность	55

3

ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ

И ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ

Тайна Христа и человеческий поиск	61
Среди сомнений современности	64
Тайна, что питает общество и культуру	65
Духовный опыт и творческая открытость миру	67

4

ВОЙТИ В ТАЙНУ

Жизнь в духе	73
Обитаемое молчание	75
Пространство сердца	77
Когда душа в мире – Бог рядом	78

5

ПОТОК СВЕТА, МИРА И ЛЮБВИ

Бог никогда не творит зла	83
Прервать круговорот зла	86

Тайна сопричастности	87
Безграничная близость	88
Восток и Запад: встреча у истоков	89
Жить светом	91

6

ОТ ТРЕВОГИ К ДОВЕРИЮ

Последнее слово за доверием	95
Человек призван к любви	97
Радость бытия	98
Не распад, но любовь	100

7

ЛЮБОВЬ

Дар любви Божией	105
Бог сильнее зла	107
Надежда	108
<i>Из истории Тэзе</i>	111

Предисловие ко второму русскому изданию

В сердце брата Роже, основателя нашей общины Тэзе, Русская православная церковь занимала особенное место. Он питал к ней бесконечное уважение за те испытания, которые ей довелось пройти. Он открыл для нашей общины путь общения с этой церковью, и мы, его братья, хотели бы идти по его стопам.

Французский православный богослов Оливье Клеман также занимал важное место в сердце брата Роже. Их объединяла долголетняя дружба, о многом они думали одинаково. Вот почему с самого начала моего нового служения в качестве настоятеля Тэзе и преемника брата Роже я решил приехать к этому богослову с визитом в Париж,

взяв с собой троих моих братьев. Я посетил его еще два раза пару лет спустя, незадолго до его смерти.

Вследствие затяжной болезни он был прикован к постели, почти не мог двигаться. Но он по-прежнему сиял, и по-прежнему радушной и общительной была его жена, Моника, которая постоянно была рядом с ним. Оба встречали нас так славно. Проведенные с ними мгновения были полны величественной красоты. Он и его жена передавали нам свой душевный покой.

Оливье Клеман припоминал подробности своих поездок в Тэзе, аллею, на которой он беседовал с братьями, небольшую стену вдоль аллеи, дорогу, ведущую к храму: «Там вели мы незабываемые теплые разговоры», – сказал он нам. После выписки из больницы он многое забыл, но эти места и эти встречи в Тэзе остались в его памяти.

Мы смеялись с ним, рассматривали иконы над его кроватью, семейные фотографии, рисунки его внуков, книги. Нас восхитил вид на Эйфелеву башню вдалеке из окна его комнаты. Сам он больше не видел ее, так как больше не мог повернуть голову. Но он был счастлив видеть со своего ложа находившуюся недалеко церковь.

В определенные моменты он возвращался мыслью о брате Роже. Он вспоминал о нем как о

«простом и светлом человеке, всегда говорившем одну и ту же вещь: Бог есть любовь». «Это был конец Бога гнева, – комментировал Оливье Клеман, – Бог не наказывает, Бог любит. Все, что Он может дать каждому, – это любовь. В некоторых богословских течениях даже Бог любви – это зачастую Бог, который наказывает, разумеется – справедливо и праведно, но все же наказывает, тогда как брату Роже было свойственно видение Бога, который может только любить, такое же видение мы обнаруживаем у некоторых отцов Церкви, например – у Исаака Сирина».

И Оливье Клеман продолжал в том же тоне: «Брат Роже обращал эти простые и глубокие слова равным образом и к крестьянину, которого встречал за возделыванием земли, и к министру. Всегда речь шла, по сути, об одном и том же – о любви. Благодаря ему, стало возможно вновь открыть христианство в его главной истине: “Бог есть любовь”».

Конечно, когда Оливье Клеман подчеркивал эти мысли брата Роже, он выражал и свою собственную мысль, что бросается в глаза на страницах этой книги. Если он написал эту работу о Тэзе, то для него она стала еще одним поводом вновь высказаться о сущности веры.

Оливье Клеман – это человек, в котором могут узнать себя некоторые молодые люди. В книге

он рассказывает, насколько далеким от веры он был в молодости, как он долго искал и как нашел ответы в Православной церкви, благодаря которой перестал сомневаться в доверии к Богу.

Поистине, один из секретов православной души состоит в молитве поклонения, в которой становится ощутимой доброта Бога. Именно через начальную молитву, а затем – литургию или молитву сердца православные обретают доступ к великим тайнам веры: Бог во Христе разделил с нами нашу жизнь, Христос воскрес, Святой Дух постоянно присутствует в каждом человеческом существе, и призвание Церкви – являть это Присутствие.

Именно в этих главных тайнах православие черпает смысл и величие человеческого бытия: Бог стал человеком, чтобы человеческое существо стало причастным к Его божеству, человек призван к преображению во Христе уже здесь, на земле.

Оливье Клеман понял, что в Тэзе мы страстно искали общения между всеми христианами. В этом поиске мы открываем огромные сокровища, которые сохранили за всю историю разные традиции. И мы хотели бы способствовать истинному обмену дарами между великими христианскими традициями.

Мы бесконечно признательны Оливье Клеману за то, что он так замечательно засвидетельствовал это в своей книге о Тэзе, и я хотел бы выразить свою радость в связи с тем, что новое ее издание на русском языке сделает книгу доступной православным христианам, столь любимым нами, братьями общины Тэзе.

Брат Алоис, настоятель Тэзе

Предисловие

Незнакомые друзья, те, кто прочтет эту книжку, – я тоже был молод, как многие из вас. Говорю я это не из ностальгической тоски по ушедшим временам. Я рос в радикально атеистической среде, я не был крещен во младенчестве и, как вы, я прошел трудную школу жизни – с ее тоской и восторгами.

Меня приводило в изумление уже то, что я существую, дышу, хожу; когда ты молод, ходить – это почти танцевать, так проявляется, хотя ты и не думаешь об этом, радостный избыток жизни. Меня вгоняло в тоску небытие, которое, казалось мне, поглотит все живое. Когда я спрашивал отца о смерти, он отвечал: «Смерть – это небытие.

Но, – добавлял он, – нужно стараться быть добрым, быть справедливым», – и я сомневался в логичности этого заключения: повидимому, что-то иное побуждало его так говорить, но он не находил слов, чтобы это высказать.

Небытие. Я пытался проникнуть в это выражение: ничто, ничего; значит, ничего не будет, совсем ничего, все исчезнет. Война, тоталитарные режимы усиливали ощущение абсурда. Отсутствие смысла оставляло без ответа столько вопросов. Человек не может уподобиться животному, которое вернется в небытие, он задает вопросы. И сегодня у меня их все больше, и это немного раздражает мою жену, которой кажется, что они адресованы ей. «Почему» – это ведь, по существу, та же молитва...

Зачем такая красота, когда цветет миндаль? Было бы достаточно нескольких цветков – маленьких механизмов, хорошо приспособленных для воспроизведения растения. И эта бесплатная роскошь – невероятный свет в лазури. И тогда кажется – пространство умирания открывается свету.

Материя неуловима, это математическая абстракция. Как образуется рисунок ее форм? Каковы невидимые структуры, которые были однажды начертаны – и непрестанно меняются,

включаясь в богатые и сложные процессы распада и хаоса?

И что такое лицо – быть может, суровое, непроницаемое, грубое, – внезапно озаряемое светом глаз и улыбки?

И почему любовь намного больше любви, я хочу сказать – желания, почему она – открытие присутствия? Герой одной пьесы, которую я прочел, говорил: «Любить кого-то – это все равно что сказать ему: ты не умрешь!» Молодой немецкий офицер после весьма сурового допроса взгляделся наконец в мое лицо, лицо подростка, худое и черное от голода. Тогда глаза его ожили, потеплели, и он вернул мне удостоверение личности – фальшивое, как он прекрасно понимал, и отпустил меня.

И откуда, наконец, нам приходит сама мысль о смерти? У животных этого нет, разве что страх в последнюю минуту. Почему смерть нам так часто кажется противоестественной? И что тогда наше истинное естество? В то время во Франции люди умирали дома, и был обычай бодрствовать рядом. Мне довелось быть при умирающем, и временами лицо его выражало неожиданный мир, как если бы оно было озарено нездешней красотой.

Жажда жизни была иногда так сильна, что все эти вопросы казались напрасными. И все же. Я

брел вдоль берега. Море искрилось в лучах закатного солнца, серебром гравировавшего по волнам мой долгий путь. Грусть охватила меня. Все это великолепие, может быть, – лишь маска пустоты? Красота мира не утешает, она сама нуждается в утешении.

Мне приходилось встречать христиан. Они были как все. Казалось, они не любят жизни, а скорее испытывают страх перед нею. У них была «мораль», и это их порой ожесточало. Но почему, думал я, Бог говорил какие-то слова, собранные в толстой закрытой книге, которой уже почти 2000 лет, и не заговорит сегодня? И этот ад, геенна, еще более мстительный и грубый, чем люди... И откуда зло, если Бог, уютно пребывающий в Своей вечности, все знал и все мог?

Понемногу я начал угадывать смысл. История цивилизаций увлекала меня. И я обнаружил, что большинство из них строилось вокруг одного и того же огня, и я не знал, как назвать его. Я открывал, что были, и, несомненно, есть и теперь, мудрецы и поэты, мистики, которые умеют молчать и могут говорить, творцы жизни, правды и красоты. Через них Бог говорил всегда, как Он вначале говорил мне – в сиянии цветущего миндального дерева. Тогда я понял, что бывают не только вопросы, но и ответы. Эти

ответы пришли из того «иноного», которое я предугадывал в сущности вещей и тайне лиц. Это были откровения. Различные, порой, казалось бы, противоречивые, но разве в этом дело! Я мог увидеть самое главное: что дыхание беспредельного пронизывает мир, и что смерть – это не последнее слово.

Понемногу эти откровения выстроились вокруг Лица и Слова, лица и слова Христа. Христос – это Некто, тайный Друг, который тихо кладет тебе руку на плечо в минуты одиночества и отчаяния. Он не скован границами, Он прошел через смерть, и Он сильнее смерти, Всечеловек, вобравший в Себя всех людей. Он – Тот, Кто открыт бездне, Сам, лично, – той бездне, откуда, через Него, приходит к нам освобождение и любовь, бездна отцовства. Это отцовство – одновременно и дистанция и нежность. Мы все ищем отца – иногда по плоти – но чаще по духу; нам нужно его присутствие, внимательное и незаметное, – дистанция и нежность. Пустые слова ведут к смерти. В глубине вещей, в сердце мира есть символические слова, которые открывают бездну освобождающей любви.

Далекая Азия, Индия, буддизм мне говорили: есть лишь эта пропасть, безликая, океан блаженства, где все растворяется, мы лишь соляные

куклы, призванные раствориться в нем. Европа говорила мне: каждый неповторим, но мы – островки в другом океане, океане одиночества. Был выбор: единство в растворении или несообщающиеся миры. Либо ни меня, ни другого не существует, либо мы окончательно разделены. И тогда во мне отозвались слова Иисуса из Евангелия от Иоанна: «Да будут все едино, как мы едины». Я прочел книжку, написанную одним русским богословом в эмиграции, где он говорит об этом невероятном, удивительном сочетании в Боге (а значит, и в человеке, Его образе) абсолютного единства и абсолютного различия, одновременно единства в индийском понимании этого слова и многообразия в традиции европейской культуры. Это можно назвать словом «Сопричастность», это есть Троица, полнота и источник любви.

И тот Бог, который есть «любовь без границ», как пишет один монах восточной Церкви, – не есть Бог далекий, в Своей грозной вечности. Это Бог, Который рискует, Который воплощается, это, наконец, Бог Распятый. Не сотворивший зла, но раненный злом, распятый злом. Да, распинаемый без конца в мерзости мира, но постоянно воскресающий в нас, открывая нам неожиданные пути воскресения. Не принуждающий – чем была бы лю-

бовь, которая принуждала бы, навязывала бы себя? – но действующий как вспышка света и мира, как жизнь, когда смерть меняет смысл и исчерпывается, с того момента как сердце человека говорит «да», подобно Марии, свободно открывается Ему. Бог воплощенный, распятый, воскресший, Дух Которого открывает бесконечное пространство нашей свободе, ставшей ответственной и творческой. Бог – Тот, Кто углубляет и обращает к вечности наши земные радости, даже самые скромные: Он претворяет на свадьбе в Кане воду банальности в вино безудержной любви, Он приглашает толпу людей принять пищу как бы вечную, усадив их перед тем на «свежей траве», столь редкой в Палестине, Он зажигает костер на берегу озера, чтобы запечь рыбу и предложить Своим друзьям. Бог бесконечно близкий, Который внутри нас больше, чем мы сами, и как бы глубоко ни было наше отчаяние, Он там, еще глубже, между нами и небытием. Бог не творит ада – с этим мы успешно справляемся сами! – но Он не прекращает спускаться в ад, чтобы нас освободить, и все люди духа, причастные Ему, непрестанно «изливали кровь сердца», чтобы все были спасены.

И когда я размышлял и искал ответ, я не мог не встретить Тэзе. Я был тронут до глубины сердца короткими, исполненными света текстами бра-

та Роже, эти тексты собраны в книжки, которые так хорошо иметь при себе, как берут с собой флягу свежей воды в пустыню. Да, я испытывал почти ревность к этим текстам, потому что они говорили о том, что я предчувствовал, что я пытался в бедной убогости своей прожить, – но с кристальной простотой, которой я не мог достичь. Вот, сказал я себе, как нужно говорить с молодыми людьми, а я-то говорю лишь с богословами! С каким одушевлением брат Роже произносит: «Иисус Христос», – то есть Мессия, Посланный, Тот, через Кого Бог без конца приходит к нам. Бог, Который, по его словам, не наказывает, но спасает, Который нас охватывает Своим светом. И если этот свет своей ясной нежностью побуждает нас судить о себе, себя, – мы тут же понимаем, что крест – это «осуждение осуждения», как говорил один отец церкви. И я смог воспринять не только особое мироощущение, но и ровную творческую силу брата Роже и его общины, этот магнит, который каждый год привлекает в Тэзе молодежь десятками тысяч. Этот обновляющийся поток людей делает Тэзе местом невероятной встречи, где формируется Европа Духа. Брат Роже говорит с молодыми людьми всегда коротко, с совершенной простотой, если так можно сказать, с невооруженной любовью. В мире, наполненном

пустыми обещаниями, Тэзе – земля, где предугадывается «иное». И пусть не смущаются ревнители Православия. Тэзе никого себе не присваивает, не претендует быть Церковью, это только порог, преддверие и знак Церкви в перспективе примирения. В Тэзе пробуждаются к тишине, молитве, к дружбе. И тогда открываешь, что христианство возможно в дружбе. И возвращаешься в свою страну, в свой приход с непреодолимым ощущением этого пробуждения и дружбы.

Здесь нужно сказать не только о непрекращающемся потоке молодежи в Тэзе, но о монашеской общине, что собирается вокруг брата Роже – без нее здесь ничего бы не было. Все началось во время второй мировой войны, которая некоторых людей повернула к главному. Перед лицом ужасов, перед лицом смерти невозможно больше врать, врать себе, оставаться разделенными, если мы хотим быть христианами. Основание Тэзе восходит к экуменизму концлагерей, пережитому как взаимная помощь, как надежда, неотделимая от молитвы и любви. Община росла не по готовому плану, но как живой организм, закваска, которая поднимает понемногу тесто истории. Она – свидетель другой истории, мировой истории, где уже прозвучали Заповеди Блаженства, истории бедных, отверженных, которые не дают иродам

и пилатам разрушить человечность. В Тэзе молодые люди, полные жизни, освобождаются от идолов этого мира, чтобы открыться Богу и людям, и здесь возникает бескорыстная дружба. «Они отделены от всех и соединены со всеми», – как говорил о монахах в конце IV века в Египте один из них, особенно внимательный и проницательный.

Эти монахи, отказавшиеся от всего, с пустыми руками, которые только Бог наполняет, принадлежат к разным христианским конфессиям. Они предчувствуют, что есть только одна Церковь, тайное основание Церкви, единство, которое не нужно строить, – лишь открыть неразделенную Церковь, которая, несмотря на все судороги амбиций, несомненно, остается самым важным явлением нашего времени.

В Тэзе люди различных корней – конфессиональных, этнических, культурных, лингвистических – порой взаимно оппозиционных, – молятся и работают вместе: да, это возможно, Христос разрушает всякую стену разделения. Это различие, историческое и географическое, стирается перед различием даров. Община как улей, где у каждого свое дело. Одни создают красоту: картины, иконы, трудятся в гончарной мастерской, облагораживая každодневную жизнь. Другие занимаются переводами, издают тексты – самые важные для

христианской традиции. Учат языки, чтобы соответствовать интернациональному призванию Тэзе. К этому смиренному призванию, глубоко пережитому людьми примирения, бредет наощупь история; история, в которой Дух творящий разгоняет туман и озаряет творчество, дабы осуществилось искусство, наука или духовность.

Нынешним молодым людям надоели пустые слова, они жаждут настоящего. Какой смысл говорить им о сопричастности, если невозможно – *«Пойди и посмотри»* – показать им место, где действует община. Место, где тебя принимают таким, как есть, не оценивая, не судя, где не спрашивают догматический паспорт – не скрывая тем не менее, что здесь собираются вокруг Христа и что есть только одна дорога – *«Я есмь путь»*, – не сказал ли Он? – которая начинается здесь для того, кто этого хочет. В Тэзе мы открываем то, что я люблю называть «пост-идеологическим христианством». Бог – это Тот, Кого мы всегда ищем, – говорил один из отцов церкви. И одновременно Он всегда приходит и дает Себя нам. Бог – это Тайна и Любовь, и тогда другой человек в свете Христа нам кажется тоже тайной и любовью. В Тэзе можно петь вместе, здесь поют короткие емкие фразы, которые повторяются неустанно. Слова востока и запада, севера и юга – на многих язы-

ках. Крест пятницы, пасхальная ночь с субботы на воскресенье, и брат Роже в окружении детей. Между службами – для тех, кто хочет, – братья комментируют Евангелие. Можно довериться им: они не гуру, но те, кто тоже ищет, только они немного больше прошли по дороге. И эта невероятная тишина, когда тысячи безмолвствуют.

Эта книга родилась из разговоров, в которых мне пришлось много раз участвовать в Тэзе. В ней размышления братьев, вопросы, которые им задают. Это – размышления в пути; они не претендуют на исчерпывающую полноту. И в завершение хочу сказать: книжка эта появилась по причине родства душ – моей и Тэзе, сходства между моим собственным поиском и поиском Тэзе, я чувствую это сходство с давних пор. Тэзе стало моей духовной родиной, одной из них. Я православный, и я вновь нахожу в Тэзе призвание Православия – когда оно преодолевает свои исторические ограничения – свидетельствовать о корнях и о последнем уповании. Для меня бесконечная радость теперь – видеть в Тэзе столько православной молодежи, которая приезжает целыми автобусами из Восточной и Юго-Восточной Европы. Европа – земля «общения святых». Эта книга – знак благодарности.

Оливье Клеман

Тэзе, 13 сентября 1996

Дорогой Оливье Клеман,

Увидев на нашем холме Тэзе столько молодых лиц, вы поняли, что они приходят с живыми вопросами: как найти смысл моей жизни? Чего Бог ждет от меня?

Многие молодые люди на Западе так глубоко страдают из-за того, что их не принимают. Их сердце порой умирает от одиночества. Некоторые из них, перед лицом будущего, спрашивают себя: а имеет ли моя жизнь хоть какой-то смысл?